

ЧИНГИ-ТУРА В ИСТОРИИ ТЮМЕНСКОГО ХАНСТВА*Д.Н. Маслюженко*¹, *Е.А. Рябина*²*Курганский государственный университет**Курган, Российская Федерация**¹denmas13@yandex.ru, ²realdenim77@yandex.ru*

Цель исследования: выявить основные этапы эволюции статуса Чинги-туры как политического центра Тюменского ханства.

Материалы исследования: работа проведена на основе анализа опубликованных источников (летописи, посольские документы, грамоты и договора, записки путешественников, данные картографии и результаты археологических раскопок).

Результаты и научная новизна. В исторических исследованиях, во многом под влиянием различных редакций т.н. «сибирских летописей», существует традиционная концепция о связи Чинги-туры, прежде всего, с деятельностью князей из династии Тайбугидов, с отъездом которых в Искер-Сибирь город практически прекратил свое существование. Однако, более комплексный подход к источникам, в том числе археологическим, позволяет по-иному рассмотреть на этот вопрос.

Становление города (с учетом специфики использования этого термина к сибирским реалиям), связанного именно с Улусом Джучи, видимо, относится к последней четверти XIII века, когда здесь меняется население и Чинги-тура становится одним из центров на трансуральском торговом пути. Экономическое и возможно административное значение Чинги-туры в XIII–XIV вв. стало основой для ее политического возвышения в первой трети следующего столетия, когда она оказалась центром притяжения для тех Шибанидов, которые будут бороться за объединение всех владений представителей этой династии в единое государство. Причем до конца 1420-х гг. город находился под контролем представителей племени буркут, история которых очевидно связана с сибирскими Тайбугидами. Только при Абу-л-Хайре после 1431 года за Чинги-турой (Тюменью русских источников) закрепляется статус тронного места, что является резонной основой для наименования самого государства Тюменским ханством. Специфика города долгое время определялась тем, что он находился на северной границе этого степного государства, что значительно усложняло его развитие.

Также вопреки сложившейся историографической традиции можно говорить о том, что Чинги-тура не была заброшена после смерти или убийства тюменского хана Ибрахима (Ибака) не позднее 1495 года. Крах города связан с кризисом самого Тюменского ханства в конце 1510-х гг. Несмотря на явное уменьшение его значения город продолжал существовать и играть определенную роль в политической идеологии внука Ибрахима хана Кучума, а окончательно он был заброшен татарами после похода Ермака. Благодаря этому, к 1586 году, то есть к моменту строительства неподалеку русской Тюмени, он уже назывался только «пустым городищем». Дальнейшее понимание роли Чинги-туры в истории сибирской государственности Шибанидов невозможно без срочного продолжения археологических раскопок остатков сохранившегося до наших дней городища.

© Маслюженко Д.Н., Рябина Е.А., 2023

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Ключевые слова: история, Чинги-тура, Тюменское ханство, Сибирское ханство, государство, Шибаниды, Кучум

Для цитирования: Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Чинги-тура в истории Тюменского ханства // Золотоордынское обозрение. 2023. Т. 11, № 4. С. 863–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.863-880 EDN: RIVVMH

Финансирование: Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства образования и науки Республики Казахстан (Грант № AP09258941 «Роль и значение династии Шибанидов в истории Золотой Орды, Ак Орды и Казахского ханства (XIII–XVII вв.)»).»).

CHINGI-TURA IN THE HISTORY OF THE TYUMEN KHANATE

*D.N. Maslyuzhenko*¹, *E.A. Ryabinina*²

*Kurgan State University
Kurgan, Russian Federation*

¹denmas13@yandex.ru, ²realdenim77@yandex.ru

Abstract: Purpose: To identify the main evolution stages of the status of the settlement of Chingi-tura as the political center of the Tyumen Khanate.

Research materials: The work was carried out on the basis of an analysis of published sources (chronicles, embassy documents, letters, contracts, travelers' notes, cartography data, and results of archaeological excavations).

Results and scientific novelty. In historical research, largely under the influence of various editions of the so-called "Siberian chronicles," there is a traditional concept about the connection of Chingi-tura, first of all, with the activities of the princes from the Taibugid dynasty. The city practically stopped existing with their departure to Isker-Siberia. However, a more comprehensive approach to sources, including archaeological ones, allows for considering this issue in a different way.

The formation of the city (taking into account the specifics of applying this term to Siberian realities), was associated specifically with the Ulus of Jochi, dating back to the last quarter of the 13th century when the population changed there and Chingi-tura became one of the centers on the Transural trade route. The economic and possibly administrative significance of Chingi-tura in the 13th–14th centuries became the basis for its political rise in the first third of the next century. It appeared to be the center that attracted those Shibanids who would fight for uniting all lands of that dynasty's representatives into a single state. Moreover, until the end of 1420 the city was under the control of representatives of the Burkut tribe whose history is obviously connected with the Siberian Taibugids. Only after 1431, in the time of Abu-l-Khair, did Chingi-tura receive the status of a throne place (Tyumen of Russian sources) which is a reasonable basis to refer to the state as the Tyumen Khanate. For a long time, the specificity of the city was determined by the fact that it was located on the northern border of this steppe state, something which greatly complicated its development.

Also, contrary to the established historiographic tradition, it can be said that Chingi-tura was not abandoned after the death or murder of the Tyumen Khan Ibrahim (Ibak) no later than 1495. The collapse of the city is associated with the crisis of the Tyumen Khanate itself in late 1510. Despite the apparent decrease of its importance, the city continued to exist and play a certain role in the political ideology of Khan Kuchum, a grandson of Ibrahim. It was finally abandoned by the Tatars after Yermak's campaign. Owing to this, by 1586, the time of the construction of Russian Tyumen nearby, it was already called as "an empty settlement". Further understanding of Chingi-tura role in the history of the Siberian

statehood of the Shibanids is impossible without the urgent continuation of archaeological excavations of the settlement remains that have survived to this day.

Keywords: History, Chingi-tura, Tyumen Khanate, Siberian Khanate, state, Shibanids, Kuchum

For citation: Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Chingi-tura in the History of the Tyumen Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2023, vol. 11, no. 4, pp. 863–880. DOI: 10.22378/2313-6197.2023-11-4.863-880 (In Russian)

Financial Support: The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Grant No. AR09258941 “The role and significance of the Shibanid dynasty in the history of the Golden Horde, Ak Horde and the Kazakh Khanate (13th–17th centuries)”).

Чинги-тура, Чимги-тура, Чингиндин, Чинги, Жанги-тура, Цимги-тура¹ – многочисленные названия того города, на месте которого была построена в 1586 году одна из первых русских крепостей в Западной Сибири Тюмень. Он по праву является одним из самых забытых городских центров в истории сибирской средневековой государственности. «Сменившей» его Сибири (Искеру) в этом отношении повезло гораздо больше, в том числе и из-за масштабных археологических работ, которые проводились там на протяжении более столетия, итоги которых были подведены в недавно вышедшей коллективной монографии А.П. Зыкова, П.А. Косинцева и В.В. Трепавлова [19], почти сразу спровоцировав дискуссию [4; 24]. Можно согласиться с мнением омского археолога и историка С.Ф. Татаурова: «На наш взгляд, значимость Искера следует искать в российской истории, в самом факте включения Сибири в состав Российского государства. Для Москвы Искер стал символом легитимности объявления Ивана Грозного правителем Сибири» [45, с. 157]. Именно в контексте такого высказывания необходимо рассмотреть, как на протяжении нескольких столетий менялся политический статус Чинги-туры в контексте общей истории государственности Шибанидов в Западной Сибири.

Нам представляется, что применительно к двум этим центрам, как и вообще различным городам, городкам и крепостям на сибирских просторах, дискуссия об их городском статусе бесполезна, особенно если пытаться применять к ним концепты урбанизации, выработанные для крупнейших центров цивилизаций Евразии. Многие крепости Западной Сибири были действующими политическими, административными и экономическими центрами различных сообществ и вполне соответствовали отдельным признакам городской культуры. В конечном итоге «современные исследователи единодушны в том, что нет единого критерия, который бы указывал на универсальные признаки города» [15, с. 322]. В этом отношении тобольский ямщик Иван Черепанов еще 150 лет назад в своем

---

¹ В источниках за описываемым городом закрепились такие названия как Чинги-тура, Чимги-тура, Чингиндин, Чинги, Жанги-тура, Тюмень и наконец просто Тура. Единства относительно названия нет и среди исследователей, среди которых в качестве исходного названия предлагается и Цымги-тура, то есть «дерновый город». В силу этого в своей статье мы будем использовать в авторском тексте как синонимичные Чинги-тура или Чимги-тура, сохраняя в цитатах и пересказе точек зрения иных исследователей их написания. Нам кажется симптоматичным, что в конечном итоге среди татар, которые выступали информаторами сибирских летописцев и историков, название города оказалось связано с Чинги-бием (Чингиз-ханом), который оказал непосредственное влияние на его основание. По этой причине и в название статьи мы поставили именно Чинги-тура.

краеведческом сочинении писал: «Причем татары оное место Чинги тура называют, а что сие имя Тура на татарском и бухарском языках – значит город или крепость»².

Впервые данные сибирских летописей и татарских легенд об этом городе свел Г.Ф. Миллер в своем «Описания Сибирского царства» [29, с. 186–190]. Вслед за авторами летописей он обратил внимание на связь Чинги-туры с князем Тайбугой, основателем известной сибирской княжеской династии, а также заложил основы выявления этапов становления города через призму истории представителей этой семьи, что практически не подвергалось сомнению в следующие столетия [см. например: 54, с. 18–19]. Впервые отдельная работа по истории Тюмени, включая дорусский период, была написана одним из крупнейших сибирских краеведов XIX века А.А. Абрамовым в 1858 г. [1].

Несмотря на частое упоминание этого населенного пункта в краеведческой и археологической литературе последующих полутора столетий, большинство авторов в той или иной степени пересказывали тот же круг источников, иногда добавляя к ним данные иных русских летописей и западноевропейской картографии [27, с. 97–98; 44, с. 231–232]. При этом только в недавней работе В.В. Трепавлова на основании архивных данных и ранее не использованных восточных источников был поднят вопрос о судьбе этого города в XVI веке, в том числе в контексте похода Ермака [19, с. 21, 25].

В последние два десятилетия общее положение в изучении Чинги-туры начинает меняться, что связано с циклом работ по ее картографии, археологии и истории. Так, И.В. Белич посвятил одну из своих статей происхождению и значению раннего названия г. Тюмень, которое, по его мнению, звучало как «Цымги-тура», то есть «Дерновый город» [8, с. 27]. Отметим, что для не-лингвистов сложно оценить точность соответствующей аргументации И.В. Белича, в результате в нашей статье будут использованы более традиционные названия Чинги или Чимги-тура. Нельзя не отметить здесь недавнюю точку зрения И.А. Мустакимова, который, анализируя сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» сделал предположение, что происхождение топонимов Чинги/Чимги-тура или Тюмень может быть связано с проживанием здесь некоего коллектива (клана или племени?) с синонимичными этнонимами «тюмень» и «чимги» [30, с. 237, 244].

В другой работе И.В. Белича был подробно разобран чертеж г. Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и отражение в нем топографии «Царева городища», то есть интересующего нас города [7], что оказало определенное влияние на последующие реконструкции его структуры археологами. Так, принято делить остатки Чинги-туры на три части, то есть Царева, Большое и Малое городище, которые имели укрепления в виде линий рва и вала, в одном месте – их двойной линии. В 2006, 2007–2009, 2011 гг. под руководством тюменских археологов Т.С. Измер, Т.Н. Рафиковой и Н.П. Матвеевой было заложено 5 раскопов на территории Царева городища, то есть цитадели Чинги-туры. К этому времени фактически полностью был уничтожен культурный слой Большого городища, а на Царевом – в значительной степени переотложен. В результате оказалось, что Чинги-тура существовала на месте предшествующего городища бакальской археологической культуры, которое датируется в промежутке от 990 до 1280 гг. (с вероятностью в 95,4%). В литературе обсуждался вопрос о том, что носители этой культуры могли принять участие в культурогенезе отдельных групп сибирских татар [см. например: 22, с. 27–28]. Несмотря на разрушение слоя, полученные данные радио-

² Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черпанова 1760 г. / Библиотека ТГИАМЗ. № 12137. Л.14.

углеродного анализа позволили соотнести некоторые постройки города с периодом между 1280–1530 гг. По всей видимости, это хронологически маркирует время существования интересующей нас Чинги-туры Улуса Джучи и Тюменского ханства [41, с. 11–15]. Н.П. Матвеева уточнила, что на территории памятника выявлены многочисленные следы пожаров, в том числе два сгоревших дома датированы промежутком 1520–1670 гг., что, по мнению исследовательницы, может быть связано со взятием Туры Ермаком [28, с. 175].

При отсутствии четких маркеров выделения памятников Тюменского и Сибирского ханства эти даты чрезвычайно важны, поскольку, например, А.А. Адамов настаивает на отсутствии городищ со слоем XV–XVI вв. в центральных районах ханства, кроме Искера [2, с. 8]. При этом он уточняет, что, по его мнению, «городище Чинги-тура существовало как крупный хозяйственный центр в XIII–XIV вв.» [3, с. 15]. Необходимо обратить внимание на еще один момент из описания раскопок Чинги-туры: постройки этого времени в основном были наземные и большего размера чем в предшествующем слое. Н.П. Матвеева считает, что это может свидетельствовать о их принадлежности «более зажиточному населению», так как их строительство требует больших затрат на рабочую силу, материалы и отопление в зимнее время. Причем на площадке городища эти дома занимают центральное положение, «то есть могли принадлежать отдельному кварталу или улице» [28, с. 174]. Подтверждением торговых функций Чинги-туры являются обнаруженные в разных постройках разбитые гончарные среднеазиатские кувшины с плоским дном, которые были распространены в Золотой Орде в XIV веке, а также кости верблюдов [28, с. 174]. В принципе эти находки укладываются в имеющееся в историографии предположение о том, что Чинги-тура была построена на пересечении широтных и меридиональных торговых путей или через нее проходил Северный трансконтинентальный торговый путь в XIII–XV вв., что способствовало образованию именно здесь известных ханств Шибанидов [26; 12, с. 23]. Его функционирование явно было связано с Тюменскими воротами Казани и Тюменским волоком через Уральские горы [18, с. 21; 26, с. 98], что подтверждает тесные связи с Казанским ханством.

Возможным ответом на вопрос о маркерах памятников археологии позднего средневековья на юге Западной Сибири может быть и то, что на протяжении XV века существовали значительные инерции в материальной культуре населения, корни которого уходили в период единства Улуса Джучи. Очевидно, что сохранение традиционного образа жизни не могло привести к значительной и тем более одномоментной модернизации самих артефактов, а, следовательно, попытки отделить маркеры XIII–XIV вв. от XV в., по крайней мере, для Западной Сибири, на наш взгляд, невозможны на данном этапе археологического изучения. Некоторые политические изменения несколько опережали текущие процессы в культуре, тем более, что стоит поставить два вопроса, на которые у нас сейчас нет ответов. Во-первых, насколько новые политические процессы для населения были действительно новыми или же все это рассматривалось как «инерция единства», по весьма меткому выражению В.В. Трепавлова [47, с. 11–15]? Во-вторых, а разве в иных случаях политические процессы меняли материальную культуру и производство одномоментно? Ведь, например, кочевнические древности предмонгольского времени на Южном Урале, в Поволжье и некоторых других регионах многие археологи датируют в рамках IX–XIII вв., хотя, казалось бы, на последнее столетие уже падает образование Монгольской империи и Золотой Орды, однако, не меняет материальную культуру населения. Представляется, что подобная аналогия вполне оправдана и относительно ситуации позднего средне-

вековья на юге Западной Сибири, а, следовательно, единственной возможностью датировать памятники XV–XVI вв. является не традиционная археологическая типология, а только данные радиоуглеродных датировок.

Потенциальным датирующим основанием, кроме радиоуглеродного датирования, могла бы быть единственная найденная во время раскопок Чинги-туры монета, которую М.М. Чореф отнес к периоду правления Кильдибека, то есть 762–763 г.х. (?) или 1362 г. [52, с. 101], однако, ее очень плохое состояние вряд ли позволяет быть настолько точным в атрибуции. Недаром К.В. Карцова отнесла эту монету «либо до правления Джанибека (до 1340–х гг.), либо после правления Хизр-хана (после 60-х гг. XIV в.), вполне возможно, что и времени Токтамышша» [28, с. 174–175].

Археологическая датировка памятника отчасти может быть откорректирована данными иных источников. Традиционно считается, что впервые Чинги-тура (анонимный город с флагом, обозначающим административный центр) была обозначена на карте итальянских купцов Франциско и Доминико Пицигани в 1367 г. и под названием *Singui* указана на карте Каталонского атласа 1375 г. [8, с. 30; 17, с. 131; 19, с. 24; 26, с. 97].

Относительно первого указания никто, кроме В.Л. Егорова, не обратил внимание на то, что рядом с этим городом на латыни написано «*civites qued margoea*» [17, с. 131]. Судя по имеющейся копии этой карты [58], в действительности там написано «*Ciuitas que dicitur margoea*», то есть «город, зовущийся мраморным». Анализ карты на сайте Library of Congress показывает, что на самом деле там имеется надпись *Sebug*, причем обозначающая не город, а некую территорию, что схоже с известным описанием Иоганки-венгра. Расположенный ниже город с флагом явно должен быть административным центром, но связать его с Чинги-турой можно только в том случае, если мы перенесем на данный портолан наши современные представления. Ведь и *Sibug* здесь расположена не за Уралом, которого на карте нет, а у истоков Волги. На данный момент и с учетом приведенный выше надписи следует отказаться от принятой точки зрения о том, что на карте Пицигани есть какие-либо города в Западной Сибири.

В таком случае самым ранним упоминанием города мог бы стать Каталонский атлас Авраама и Йегуды Крескеса, но и здесь не все так просто. *Sebug* в атласе обозначен как город с флагом с джучидской тамгой, хотя имеются и некоторые пересечения с картой Пицигани, в том числе приведенная выше латинская надпись. Вся проблема в том, можно ли трактовать *Singui* здесь как Чинги-туру. А.Г. Юрченко пишет по этому поводу: «На карте же видим невообразимую ситуацию. Крескес Авраам соединил северный путь в Югру с восточными городами Таримского бассейна и Тангута (*Camull, Siacur, Singuj, Jachion, Sugur, Cigicalas* – все названия взяты им из книги Марко Поло)» [56, с. 250]. Действительно в «Книге о разнообразии мира» есть город с таким названием, который на русский язык переводят как Сингуи, расположенный на современной территории Китая [37, с. 294]. Таким образом, анализ самих карт, вопреки сложившейся историографии, свидетельствует в пользу отказа от точки зрения о том, что на них имеется указание на Чинги-туру. Даже в отношении Сибири необходимо гораздо осторожнее трактовать его как Сибирь-Искер [18, с. 22–24], поскольку это может быть только наименованием территории.

С исторической точки зрения Чинги-туру традиционно связывают с сибирской княжеской династией Тайбугидов, что основано на информации различных редакций т.н. «Сибирских летописей». На их основании с теми или иными вариациями этот сюжет описан абсолютно во всех исследованиях по истории государственно-

сти в Западной Сибири XV–XVI вв. В Румянцевском летописце содержится, наверное, самая простая версия. Здесь основателем города считается сын царя Она Тайбуга, который после убийства отца «...прииде на реку Туру и созда град и на рече Чингиден». В Есиповской летописи уточняется, что убийцей царя был простой человек «Чингис», который и отпустил Тайбугу покорять Иртыш и Обь и потом основать город [36, с. 32, 46]. Савва Есипов относительно рассказа «О царстве же Сибирском и о княжении...» опирался на некий летописец татарский и устные рассказы, в том числе вполне возможно и тобольских татар [6; 36, с. 42]. Еще Г.Ф. Миллер, разбирая эти известия, писал «... в честь Чинги назвал Чинги-дином» [29, с. 186], что соответствует и контексту летописного описания. Несколько отличающийся концепт предлагал С.У. Ремезов в своей «Сибирской истории», которая была создана в 1690-е – 1703 гг. В частности, у него Она «... Чингыз царь Тюменской войной преодолев... Тюмень же слыла Онцимки», но при этом у него отсутствует знаковая фигура Тайбуги [43, с. 318]. Ему вторит тобольский ямщик Иван Черепанов: «Последуя второму описанию Ремезова... Чингиз город он Тайбуга не строил, потому что в нем жилище свое имел Чингиз хан, от которого Тайбуга вольность... получил»³. В сибирско-татарском дастане «Ильдан и Гольдан», записанном в XIX веке, строительство города также связано с восставшим против хана Онсома и его брата Иртышака Чанги-бием [57, с. 17–19]. В результате различия заключаются не столько во времени строительства Чинги-туры, сколько в том, кто именно это сделал – сам Чингиз-хан или Тайбуга, действовавший от его руки. Недаром В.И. Семенова предположила, что «данные легенды созданы... в моменты усобицы в XV в. и отредактированы уже при Кучуме» [42, с. 50], то есть в период усиления противоречий между потомками монгольского хана Шибанидами и князьями Тайбугидами. Понятно, что, скорее всего, сам монгольский каан не принимал в этом участие, но в любом случае эти источники отсылают именно к событиям первой четверти XIII века. Это примерно совпадает с датами полученными археологами при раскопках и свидетельствующими не столько о времени основания Туры, сколько о произошедшей здесь смене населения. Впрочем, необходимо признать, что от первого столетия функционирования города в рамках Монгольской империи и Улуса Джучи у нас нет иной информации.

На основании сообщения монаха Иоганки 1320 г. нами ранее было сделано предположение, что в Чинги-туре мог быть центр отдельного вилайета под управлением ордынского судьи в период правления хана Узбека, однако интерпретация этого сюжета после публикации перевода Романа Хауталы должна быть изменена. Татарский судья находился в «земле Сибур», название которой совпадает со знаменитой страной Сибир-Ибир в описаниях восточных авторов как крайнего восточного предела власти золотоордынских ханов. При этом не ясно использовалось ли это понятие в его узком смысле (район впадения Тобола в Иртыш) или же в широком как обозначение всего пространства от Урала до Иртыша. При этом ранее не обращалось внимание на примечательную фразу в послании этого судьи относительно привлечения христианских проповедников: «И если они захотят обитать в городах, мы построим им церкви и дома в любом месте в Сибуре, где они захотят. Если же они захотят следовать за нашими лагерьями, мы предоставим им все необходимое». Иоганка заканчивает свое послание фразой «Написано в лагере тартар рядом с Баскардией...» [51, с. 306–307]. Таким образом, конкретизируется, что судьи вели кочевой образ жизни, хотя на территории Сибура (Сибирского вилайета) явно были некие города. Несмотря на не-

³ Летопись сибирская тобольского ямщика Ивана Черепанова 1760 г. / Библиотека ГТИАМЗ. № 12137. Л.16.

сравнимые объемы раскопок Чинги-Туры и Искера, по массе престижных вещей, которые могут быть отнесены к ордынскому периоду, последний гораздо богаче. Это либо свидетельствует о его большем значении в системе торговли и налогообложения, либо в очередной раз заставляет нас сожалеть о почти полном разрушении культурного слоя города.

В результате Чинги-тура упоминается в источниках только в контексте событий конца Великой Замятни. В татарском источнике «Дафтар-и Чингиз-наме» юртом Урус-хана из Тукай-Тимуридов названа именно Тура [30, с. 243, ком.72], что было возможно только в 1370-е гг. Под названием Тюмень она впервые попала в поле зрения русских летописцев в контексте поражения и убийства в 1406 году близ нее хана Токтамышша внуком Уруса Шадибеком: «в Сибирской земли близ Тюмени» [49, с. 70]. В конце XIV – начале XV века эти земли оказались под контролем мангытов во главе с Идегеем и его ставленников из Тукай-Тимуридов в лице Шадибека и Чекре [55, С. 34–35]. После гибели Идегея сыновья мангытского бия Кейкубад и Нур ад-Дин «отправились в вилайет Тура» [20, с. 78, 195]. Очевидно, что источники разного происхождения в это время под Сибирской землей и вилайетом Тура (Туранским) понимали одну и ту же территорию.

Ситуация изменилась после возведения Идегея на ханский престол в 1419 году Хаджи-Мухаммада Шибанида. В начале 1420-х гг. он захватил «Шехр-и Тура», которое названо знаменитым владением мангытов [50, с. 83]. Это сообщение может фиксировать начальный этап перехода юга Западной Сибири под контроль новых династий. В конце этого же десятилетия другой Шибанид Махмуд-Ходжа в союзе с родами Туранского вилайета воевал против конгратов и салджиутов [11, с. 40]. Судя по дальнейшим событиям, сам вилайет и его центр находились под контролем представителей клана буркут.

Именно они в 1430 г. передали город новому лидеру Шибанидов хану Абу-л-Хайру, заняв не только ведущее положение в его окружении, но и выдав за него свою представительницу. Фигура этого правителя для становления Чинги-туры чрезвычайно важна, поскольку при нем в описании города в источниках появляется фраза «местопребывания трона государства и средоточия божьей помощи» [25, с. 143–144]. При этом возникает резонный вопрос: имел ли этот город подобный статус или же он только был сформирован и закреплен именно Абу-л-Хайром? Ведь до этого невозможно однозначно связать с Чинги-турой какого-либо хана, кроме Токтамышша и Хаджи-Мухаммада, хотя при них он не упоминается именно в контексте тронного места. Еще в 1965 г. Э.Л. Кинан в качестве одного из «традиционных престольных мест суверенной власти» также называет именно Тюмень в Сибири [53, с. 74], но складывается впечатление, что именно при Абу-л-Хайре этот новый статус города получил свое реальное оформление. Симптоматично, что именно этот хан «объявил независимость своего государства от потомков» Тукай-Тимура [5, с. 48], тем самым дистанцировавшись и от более ранней связи Туры с ними.

Вопрос о том, когда же за Чинги-турой закрепился некий столичный или престольный статус, как кажется вообще не возникал в историографии, однозначного ответа на него на данный момент быть не может, но это не могло произойти ранее правления Абу-л-Хайра. Очевидно, что в условиях постепенного распада Улуса Джучи и формирования локальных ханских династий им могли быть необходимы особые города, к которым привязывались определенные политические институты или места сбора и концентрации налогов. Л.Ф. Недашковский довольно метко указал, что «города монгольских государств объединяет высокий уровень развития торговли и денежного обращения, а также их «несто-

личность» – политическим центром, резиденцией хана и правительства, являлась кочевая ставка (орда)» [31, с. 107], что в целом было характерно и для Шибанидов. Кочевой характер элиты Тюменского ханства во главе с ханами из династии Шибанидов действительно приводил к тому, что главным политическим центром власти была кочевая ставка правителя. Эта традиция сложилась при Абу-л-Хайре и оставалась таковой при следующем хане уже из числа потомков Хаджи-Мухаммада Ибрахиме, которые находились в постоянном движении в подконтрольной степной зоне, лишь иногда подкочевывая к Туре [25, с. 163; 34, с. 274].

Дополнительным фактором в этом могла быть и специфика расположения Чинги-туры на самом севере ханских владений, фактически уже в таежной зоне, которая не слишком подходила для постоянного пребывания ханского двора. Это и объясняло передачу города Абу-л-Хайром под управление ханских чиновников – даруг из числа представителей тарханов, дурманов и найманов, почти так же как это было позднее сделано в отношении присырдарьинских городов [25, с. 159–160; 30, с. 233]. Б.А. Ахмедов со ссылкой на «Таварих-и Гузида Нусратнаме» писал, что Абу-л-Хайру жители Жанги (Чинги)-Туры платили ясак [5, с. 94]. Представляется, что, если автор прав, то это говорит о довольно специфичном статусе этого престольного города и его населения, по крайней мере в период правления указанного хана.

Осенью 1446 года Абу-л-Хайр «решил отправиться для зимовки на завоевание Сыгнака» [25, с. 159], после чего этот город под управлением оглана Мане (потомка сына Джучи Тангута), видимо, стал формальной столицей Узбекского ханства Абу-л-Хайра, который значительную часть времени проводил в своей кочевой ставке. Огромное по размеру ханство при Абу-л-Хайре не только считалось собственностью всей ханской семьи, но и было разделено на отдельные улусы Чингизидов, в том числе Тюменский юрт, что позволяло Абу-л-Хайру носить титул Хан-и Бузург [25, с. 159–160]. Вполне возможно, что в результате во второй половине 1440-х гг. в Тюменском вилайете от лица узбекского лидера стали управлять сыновья Хаджи-Мухаммада Махмуд и Саййидек [32], что после поражения Абу-л-Хайра в 1457 году стало основой для сепаратизма тюменских Шибанидов и, видимо, возвращения в Туру буркутов.

В результате новый тюменский хан Ибрахим б. Махмуд, скорее всего, в 1470-е гг., также породнился с буркутами, которых довольно убедительно можно связать с княжеской династией Тайбугидов сибирских летописей. Их князь и ханский зять Мар (Умар/Омар) контролировал Чинги-туру. Вскоре хан «Упак зятя своего уби и градом облада» [36, с. 47], то есть Ибак поставил ее под свой прямой контроль, правил здесь «и владе много лет» [36, с. 47]. Сыновья Мара (кстати, в летописях даже нет намек на их возможное родство с ханом, чья дочь вполне могла быть их матерью) проживали при дворе хана Ибаке: «Маровы дети Одер да Ябулак живяства во граде Чимгидене у казанского царя у Упака» [36, с. 47, 118]. Также имеются указания и на проживание здесь беглых казанских аристократов: «у Ибреима царя в Тюмени живет» [38, с. 33–34]. Не менее симптоматично наличие приставки «Тюменский» в ханской титулатуре самого Ибрахима [16, с. 138, 196]. Исходя из этого, можно предположить, что Чинги-тура (Тюмень) сохранила статус престольного места Тюменского ханства, хотя и делила его с реальным центром политической власти в ханском Орду-базаре. В целом это повторяет аналогичные схемы предшествующего периода и находит прямые аналоги в Улусе Джучи.

Однако, между 1493–1495 гг. сын Адера «князь Мамет воста после смерти отца своего з ближними своими на казанского царя Упака» [36, с. 118], и «по

сем... Мамет... град свой Чингиден разруши» [36, с. 32, 47; см. позиции исследователей по этому вопросу: 19, с. 24]. Данная летописная фраза чрезвычайно важна с точки зрения дальнейшего функционирования этого города. В этом отношении напомним, что брат и преемник Ибрахима Мамук вскоре после этих событий организовал поход на Казань, что вряд ли было возможно в условиях потери собственной столицы и при наличии сепаратизма княжеской династии. Возникает резонный вопрос и о том, куда же возвращался после казанской неудачи брат и наследник Ибрахима новый тюменский хан Мамук: «вскоре поиде от Казани в свояси и на пути умре» [33, с. 243]. Не менее сложно тогда трактовать и фразу из Вычегодско-Вымской летописи относительно событий весны 1505 года: «...пришед из Тюмени на Великую Пермь ратью сибирский царь Кулуг Салтан и без вести приступиша» [13, с. 264; 35, с. 99]. Таким образом, вопреки позиции информаторов сибирских летописцев Чинги-тура (Тюмень) не могла быть заброшена в середине 1490-х гг. и сохранила статус престольного града в последующие десятилетия.

Представляется, что более критичным был тот самый промежуток 1520–1530-х гг., который заметен по радиоуглеродным датам. К этому времени все известные нам представители Шибанидов покидают регион, оказавшись у Ногаев, в Москве или на Сырдарье. В результате Чинги-тура на самом деле могла не только утратить статус, но и оказаться заброшенной. Так, Сигизмунд Герберштейн писал после пребывания в Москве в 1517 и 1526 гг.: «... Тюмень, которой владеют князья угорские, платящие, как говорят, дань великому князю» [14, с. 157]. Хотя в другом сообщении и указывал, что государь «царства Тюмень» татарин и «...он не так давно причинил большой ущерб Московиту, то весьма вероятно, что эти племена, будучи ему соседями, скорее ему и подчиняются» [14, с. 161]. С учетом косвенного характера этих упоминаний можно предположить, что в период между его двумя поездками Чинги-тура перешла от Шибанидов к неким угорским князьям (ближайшими были владения воинственного Пелымского княжества). В результате в Москве в 1536 г. стало известно, что ногайский мирза Шейх-Мамай, потомок Ибрахима по женской линии, «детей отпускает к Асай-мырзе, да Кан-мурзу (возможно, старший сын Шейх-Мамай Хан, – Д.М.) Туру воевать» [39, с. 155]. Если переход города под контроль угорских князей действительно произошел, то для ногайских родственников и союзников Шибанидов возвращение контроля над ней носило принципиальный характер.

Еще более сложно реконструировать историю города в период правления в Западной Сибири внуков Ибрахима Ахмад-Гирея и Кучума. Предшествующее название города и вилайета Тура почти исчезает из источников, хотя отдельные упоминания свидетельствуют: «после этого страна Тура в тюркской историографии стала считаться владением Кучума» [19, с. 25; 48, с. 387]. В одном из документов русско-ногайской переписки Кучум назван царем «тюменским и сибирским» [40, с. 268–269]. Это интересным образом совпадает с указанием на цитадели Чинги-туры «Пустое Кучумово городище» на русской карте рубежа XVII–XVIII вв. [7, с. 153], хотя, как справедливо отметил В.В. Трепавлов, не ясно то, когда именно здесь жил Кучум [19, с. 25]. При этом наименование «Тюменское городище» в отношении Туры использовано уже в документах 1586 г., что явно фиксирует заброшенный характер этого места к данному году [7, с. 154]. Судя по всему, этот чертеж принадлежал либо С.У. Ремезову, либо его сыну Леонтию, которые и в отношении Сибири как раз указали «Кучумово городище» [7, с. 154]. Еще одним упоминанием связи Кучума с Чинги-турой может быть заявление внука Кучума Девлет-Гирея относительно «чимкисских людей» и «Чимгисского

города»: «... тот улус отца моего и деда» [29, с. 478]. Скорее всего, лишь эти косвенные указания, вместе с некоторыми нюансами европейской картографии, согласно традиции которой еще вплоть до 1594 г. названием государства и территории является Тюмень со столицей в городе Великая Тюмень [23], позволяют говорить о продолжении бытования города в XVI веке, что увязывается и с поздними радиоуглеродными датами.

Также косвенным подтверждением существования города в это время может быть указание в Ремезовской и Кунгурской летописях на взятие Тюмени (Чингида) 1 августа 1582 года во время похода Ермака [21, с. 5; 29, с. 217; 44, с. 318]. Летописные тексты довольно противоречивы в отношении взятия города без сопротивления или же наоборот с боем [43, с. 371], на что указывала и Н.П. Матвеева [28, с. 175], так же, как и относительно обнаружения здесь «многие припасы и богатства» и дальнейшей зимовки казаков. Представляется, что при всей недоказуемости т.н. «длинной хронологии», в рамках которой Тюмень как место зимовки отряда Ермака носит принципиальный характер, сама возможность этого свидетельствует не только о том, что город не был разрушен или заброшен, как об этом указывается в более ранних летописях Есиповской группы, но и продолжал, вплоть до взятия Ермаком, функционировать как торговый центр [29, с. 216–217; 43, с. 318], хотя, видимо, и утратил свое былое политическое значение в результате событий первой половины XVI века. Эти предположения вполне согласуются с указанием на заброшенное городище после 1586 года, то есть уже к началу строительства русской крепости.

Осознание важности контроля над бывшим престольным градом с позиций создания новой идеологии русской власти в Сибири привело к тому, что именно около него московские воеводы И. Мясной и В. Сукин построят один из первых городов Тюмень: «и постявиша сии воеводы град Тюмень над рекою Турою, иже прежде бысть у бисерман имянуеми град Чингидис» [36, с. 312]. Былую значимость этого престольного владения, видимо, еще в конце XVI века осознавали и представители татарской элиты. Так, «престол Тура» у Кадыр Али-бека Джалаира является третьим по значимости после Казани и Астрахани в титуле царя Борис Годунова [10, с. 543]. Этот момент представляется принципиально важным: для князя из окружения казахского царевича Ураз-Мухаммада, являвшегося пасынком Кучума [9, с. 375], престольное место продолжало находиться в Туре, то есть Чинги-туре, а не в Искере – Сибири.

Таким образом, по косвенным указаниям источников и их корреляции с археологическими данными представляется возможным реконструировать некоторые этапы функционирования Чинги-туры в процессе ее становления в качестве престольного и столичного центра Тюменского ханства. Таковым этот город, несмотря на несколько веков истории, был только между 1430–1510-ми гг., в дальнейшем сохраняя лишь определенный идеологический флер своей прошлой истории, хотя следует отказаться от версии о разрушении Туры в конце XV века. Представляется, что материалы письменных источников по этому вопросу уже фактически исчерпаны и вряд ли раскроют нам больше, особенно о механизме передачи этого города от управлявших им даруг и князей к ханам. Несмотря на общее понимание основных функции подобных поселенческих комплексов в Западной Сибири [19, с. 20–22], следует признать верным предположение С.Ф. Татаурова: «В отличие от европейских столиц, судьба Чимги-Туры, Кизыл-Туры и самого Искера показывает, что правители тюрко-татарских государств не ставили перед собой цель развития и укрепления своих столиц, а скорее наоборот – в случае возникновения неблагоприятной ситуации разрушали или просто бросали свои города. Наи-

более правильно считать сибирские города временными ханскими ставками, во время пребывания в которых хан укреплял свою политическую власть, осуществлял сбор налогов, проверял охрану границ и т.д., то есть осуществлял функции государственного правителя. В его отсутствии в этих городах проживало сравнительно небольшое количество жителей и такой же небольшой гарнизон» [46, с. 60]. Очевидно, что только комплексные археологические работы в тех местах, где еще сохранился культурный слой этого города, позволит нам прийти к возможному новому пониманию роли Чинги-туры в истории сибирской государственности, в том числе решить вопрос о том, почему возникают такие колоссальные различия в объеме и качестве артефактов с Искером.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 50. Отдел II. Часть неофициальная. С. 712–715.
2. Адамов А.А. К вопросу о городах Сибирского ханства // V Международный Болгарский форум «Политическое и этнокультурное взаимодействие государств и народов в постзолотоордынском пространства (XV–XVI вв.)». Тезисы. Симферополь, 2013. С. 6–8.
3. Адамов А.А. Новые данные о денежном обращении в Сибирском юрте // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурологи и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2015. № 12 (62). Ч. 11. С. 13–16.
4. Адамов А.А. Кучумово городище – столичный город в Сибири или исторический миф (археологические факты и исторические предположения) // Золотоордынское обозрение. 2021. Т. 9, № 2. С. 359–373. DOI: 10.22378/2313-6197.2021-9-2.359-373
5. Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1965. 196 с.
6. Бахрушин С.В. Туземные легенды в «Сибирской истории» С.Ремезова // Исторические известия, изданные Историческим обществом при Императорском Московском университете. 1916. № 3–4. С. 3–8.
7. Белич И.В. Чертеж г.Тюмени рубежа XVII–XVIII вв. и топография «Царева городища (Чимги/Цымги-туры) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2009. Вып. 11. С. 143–163.
8. Белич И.В. Цымги-Тура. К вопросу о происхождении и значении раннего имени г.Тюмень // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 14–34.
9. Беляков А.В. Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т.7, № 2. С. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391
10. Березин И.Н. Татарский летописец. Современник Борис Федоровича Годунова // Московитянин. 1851. № 24. Кн. 2. С. 540–554.
11. Валиди Тоган А. История башкир. Уфа: Китап, 2010. 352 с.
12. Воротынцева Л.В. Северный трансконтинентальный торговый путь в монгольскую эпоху (XIII–XV вв.) // Вестник Томского государственного университета. История. 2019. № 62. С. 19–26. DOI: 10.17223/19988613/62/3
13. Вычегодско-Вымская (Мисаило-Евтихиевская) летопись // Историко-филологический сборник Коми филиала АН СССР. Вып. 4. Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1958. С. 241–270.
14. Герберштейн С. Записки о Московии. М.: Издательство Московского университета, 1998. 420 с.

15. Города средневековых империй Дальнего Востока. М.: ИВЛ, 2018. 367 с.: ил.
16. Государственный архив России XVI столетия. Опыт реконструкции. Ч. 1. М.: Институт истории СССР АН СССР, 1978. 630 с.
17. Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв. М.: Наука, 1985. 246 с.
18. Зыков А.П. Городище Искер: Исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Омск, 1998. С. 22–24.
19. Зыков А.П., Косинцев П.А. Трепавлов В.В. Город Сибирь – городище Искер (историко-археологическое исследование). М.: Наука – Восточная литература, 2017. 559 с.
20. Кырыми Абдулгаффар. Умдет ал-ахбар. Книга 2: Перевод. Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 5 / Пер. с османского Ю.Н. Каримовой, И.М. Миргалеева; общая и научная редакция, предисловие и комментарии И.М. Миргалеева. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
21. Краткая Сибирская летопись (Кунгурская) со 154 рисунками. СПб.: Типография Ф.Г. Елеонского и К, 1880. 108 с.
22. Маслюженко Д.Н. Этнополитическая история лесостепного Притоболья в средние века. Монография. Курган, 2008. 168 с.
23. Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. Территория Тюменского и Сибирского ханства на западноевропейских картах XVI – начала XVII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы IV Всероссийской (национальной) научной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2020. С. 23–26.
24. Маслюженко Д.Н., Татауров С.Ф. Искер как мифологема в изучении истории Сибирского ханства // Золотоордынское обозрение. № 4. 2015. С. 135–150.
25. Материалы по истории Казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. С.К. Ибрагимов и др. Алма-Ата: Изд-во «Наука» КазССР, 1969. 652 с.
26. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Пути сообщения Сибирских ханств // Вестник Омского университета. 2011. № 3. С. 95–101.
27. Матвеев А.В., Татауров С.Ф. Сибирское ханство: военно-политические аспекты истории. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2012. 260 с.
28. Матвеева Н.П. Чимги-тура (Царево городище) // Тюменское и Сибирское ханства. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 172–176.
29. Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. М.: Изд. фирма «Вост. лит-ра» РАН, 1999. 630 с.
30. Мустакимов И.А. Сведения «Таварих-и гузида – Нусрат-наме» о владениях некоторых Джучидов // Тюркологический сборник. 2009–2010: Тюркские народы Евразии в древности и средневековье. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2011. С. 228–248.
31. Недашковский Л.Ф. Исторические особенности золотоордынского города // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. 2018. № 38 (3–4). С. 97–116.
32. Парунин А.В. Начало внешнеполитической деятельности шибанида Ибак-хана // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. №6. С. 91–100.
33. Полное собрание русских летописей. Т.12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновскою летописью. СПб: Типография И. Н. Скороходова, 1901. 266 с.
34. Полное собрание русских летописей. Т.26. Вологодско-Пермская летопись. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959. 416 с.
35. Полное собрание русских летописей. Т.37. Устюжские и вологодские летописи XVI—XVIII вв. Л.: Наука, 1982. 235 с.

36. Полное собрание русских летописей. Т.36. Сибирские летописи. Ч.1. Группа Есиповской летописи. М.: Наука, 1987. 383 с.
37. Поло М. Книга о разнообразии мира // Путешествия в восточные страны. М.: Мысль, 1997. С. 192–380.
38. Посольская книга по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1508 гг. М.: Ин-т истории СССР АН СССР, 1984. 99 с.
39. Посольские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Дагестанское кн. изд-во, 1995. 356 с.
40. Продолжение древней российской вивлиофики. Ч.ХI. СПб.: При Императорской Академии наук, 1801. 315 с.
41. Рафикова Т.Н. Результаты изучения Царева городища (2007–2009 гг.) // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири. Материалы международной конференции. Курган: Изд-во Курганского гос.ун-та, 2011. С. 11–15.
42. Семенова В.И. Археология и картография города Тюмени (о соотношении русской и местной традиций в городском ландшафте) // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 3 (23). С. 48–51.
43. Сибирские летописи. Издание Императорской археографической комиссии. СПб.: Типография И.Н.Скорородова, 1907. 464 с.
44. Соболев В.И. История сибирских ханств [по археологическим материалам]. Новосибирск: Наука, 2008. 356 с.
45. Тагауров С.Ф. Мифологемы Сибирских ханств: города // Сибирский сборник. Вып. 3. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2015. С. 152–160.
46. Тагауров С.Ф. Тюрко-татарские города Западной Сибири в XIV–XVI вв. в археологических и исторических исследованиях // Диалог городской и степной культур на Евразийском пространстве. Историческая география Золотой Орды. Материалы Седьмой Международной конференции, посвященной памяти Г.А.Федорова-Давыдова. Казань, Ялта, Кишинев, 2016. С. 58–60.
47. Трепавлов В.В. Джучиев улус в XV–XVI вв.: инерция единства // Золотоордынское наследие. Материалы Международной научной конференции «Политическая и социально-экономическая история Золотой Орды (XIII–XV вв.)». Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2009. С. 11–15.
48. Трепавлов В.В. Родоначальник Аштарханидов в Дешт-и Кипчаке (заметки о предыстории бухарской династии) // Тюркологический сборник. 2007–2008: история и культура тюркских народов России и сопредельных стран. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2009. С. 370–395.
49. Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 128 с.
50. Утемиш-хаджи. Кара-таварих / Транскрипция И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой, З.Т.Хафизова; перевод на русский язык И.М. Миргалеева, Э.Г.Сайфетдиновой; общая и научная редакция И.М. Миргалеева // Серия «Язма Мирас. Письменное Наследие. Textual Heritage». Вып. 4. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
51. Хаутала Р. В землях «Северной Тартарии»: Сведения латинских источников о Золотой Орде в правление хана Узбека (1313–1341). Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 976 с.
52. Чорев М.М. К вопросу о характере обращения медной монеты в Западной Сибири в ордынский период // Ab origine. Археолого-этнографический сборник. Вып. 8. Тюмень: Издательство Тюменского государственного университета, 2016. С. 97–104.
53. Шамильоглу Ю. Племенная политика и социальное устройство в Золотой Орде. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2019. 260 с.

54. Шашков А.Т. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург: Волот, 2001. С. 8–51.
55. Шильтбергер И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / под ред. А.З.Буниятова. Баку: Элм, 1984. 88 с.
56. Юрченко А.Г. Город Башкорт в Каталонском атласе 1375 года: факты и интерпретации // Древние и средневековые общества Евразии: перекресток культур. Международный научный симпозиум, посвященный памяти Н.А. Мажитова. Сборник материалов. Уфа: Мир печати, 2018. С. 242–261.
57. Илдан белен Голдан (дастан) // Мирас. 2002. №3. С. 17–31.
58. Manuscript copy of 1367 manuscript chart of the Mediterranean, with the Black and Caspian Seas, and the coasts of northwest Africa and western Europe. URL: <https://www.loc.gov/resource/g5672m.ct004121/?r=-0.034,-0.175,1.413,0.846,0> (дата обращения 29.05.2023)

Сведения об авторе: Денис Николаевич Маслюженко – кандидат исторических наук, доцент, директор Гуманитарного института Курганского государственного университета (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Елена Алексеевна Рябинина – старший преподаватель кафедры «История и документоведение» Курганского государственного университета (640020, ул. Советская, 63, корп. 4, Курган, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Поступила 07.06.2023

Принята к публикации 10.11.2023
Опубликована 29.12.2023

REFERENCES

1. Abramov N. The city of Tyumen. *Tobolsk provincial vedomosti*, 1858, no. 50, Division II, Unofficial part, pp. 712–715. (In Russian)
2. Adamov A.A. On the question of the cities of the Siberian Khanate. *V International Bulgarian Forum "Political and Ethno-cultural interaction of states and peoples in the Post-Golden Horde space (15th–16th centuries)"*. Theses. Simferopol, 2013, pp. 6–8. (In Russian)
3. Adamov A.A. New data on monetary circulation in the Siberian yurt. *Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice*, 2015, no. 12 (62), p. 11, pp. 13–16. (In Russian)
4. Adamov A.A. The Kuchum Settlement: The Capital of Siberia or a Historical Myth (Archaeological Facts and Historical Assumptions). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*, 2021, vol. 9, no. 2, pp. 359–373. DOI: 10.22378/2313- 6197.2021-9-2.359-373 (In Russian)
5. Akhmedov B.A. The state of nomadic Uzbeks. Moscow: Nauka, The Main editorial Office of Oriental Literature, 1965, 196 p. (In Russian)
6. Bakhrushin S.V. Native legends in S.Remezov's "Siberian History". *Historical News published by the Historical Society at the Imperial Moscow University*, 1916, no. 3–4, pp. 3–8. (In Russian)
7. Belich I.V. Drawing city of Tyumen of the turn of the 17th–18th centuries and the topography of the “Tsarev settlement” (Chimgi/Tsymgi-tura). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2009, no. 11, pp. 143–163. (In Russian)

8. Belich I.V. On the etymology, semantics and history of the origin of the medieval name of Tyumen. *Bulletin of archaeology, anthropology and Ethnography*, 2007, no. 7, pp. 143–157. (In Russian)
9. Belyakov A.V. Siberian Queens. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391 (In Russian)
10. Berezin I.N. Tatar chronicler. A Contemporary Of Boris Fyodorovich Godunov. *Moskovitjanin*, 1851, Iss. 24, book 2, pp. 540–554. (In Russian)
11. Validi Togan A. History of Bashkirs. Ufa, Kitap Publ, 2010. 352 p. (In Russian)
12. Vorotyntsev L.V. The Northern transcontinental trade route in the Mongolian epoch (13th–15th centuries). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. History*, 2019, no. 62, pp. 19–26. DOI: 10.17223/19988613/62/3 (In Russian)
13. Vycheгда-Vym chronicle. *Historical-philological collection of the Komi branch of the USSR Academy of Sciences*. Syktyvkar: Komi Publ., 1958, vol. 4, pp. 241–270. (In Russian)
14. Gerbershtejn S. Notes on Muscovite Affairs. Moscow: Moscow State Publishing University Publ., 1998. 420 p. (In Russian)
15. Cities of the medieval empires of the Far East. Moscow: IVL, 2018, 367 p. (In Russian)
16. State archive of Russia of the 16th century. The experience of reconstruction. Moscow: Institute of History SSSR, 1978, part 1, 630 p. (In Russian)
17. Egorov V.L. Historical geography of the Golden Horde of the 13th–14th centuries. Moscow: Nauka, 1985, 246 p. (In Russian)
18. Zykov A.P. Isker settlement: Historical myths and archaeological realities. *Siberian Tatars: Materials of the I Siberian Symposium "Cultural Heritage of the Peoples of Western Siberia"*, Omsk, 1998, pp. 22–24. (In Russian)
19. Zykov A.P., Kosintsev P.A., Trepavlov V.V. The Town of Sibir – The Ancient Settlement of Isker (Historical-Archaeological Research). Moscow: Nauka, 2017. 559 p.
20. Kyrymi Abulgaffar. Umdet ar-akbar. Book 2.: Translation. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2018, 200 p. (In Russian)
21. Brief Siberian Chronicle (Kungur) with 154 drawings. St. Petersburg: Printing house of F.G.Eleonsky and K, 1880. 108 p. (In Russian)
22. Maslyuzhenko D.N. Ethno-political history of the forest-steppe Pritobol'ya in the middle ages. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2008, 168 p. (In Russian)
23. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. The territory of the Tyumen and Siberian khanate on Western European maps of the 16th – early 17th centuries. *History, economy and culture of the medieval Turkic-Tatar States of Western Siberia. Materials of the IV all-Russian (national) scientific conference*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2020, pp. 23–26. (In Russian)
24. Maslyuzhenko D.N., Tataurov S.F. Isker as a mythologem in the study of history of the Siberian khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2015, no. 4, pp. 136–137. (In Russian)
25. Materials on the history of the Kazakh khanate in the 15th–18th centuries (extract from the Persian and Turkic writings). Compiled by S.K. Ibragimov and others. Alma-Ata, Nauka Publ., 1969. 652 p. (In Russian)
26. Matveev A.V., Tataurov S.F. Ways of communication of Siberian khanates. *Omsk Scientific Bulletin*, 2011, no. 3, pp. 95–101. (In Russian)
27. Matveev A.V., Tataurov S.F. Siberian khanate: political and military aspects of history. Kazan: Fen Publ., 2012. 260 p. (In Russian)
28. Matveeva N.P. Chinggi-tura (Tsarevo settlement). *Tyumen and Siberian khanates*. Kazan: Kazan State University Publ., 2018. С. 172–176. (In Russian)

29. Miller G.F. History Of Siberia. Vol. I. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 1999, 630 p. (In Russian)
30. Mustakimov I.A. Information of "Tavarikh-I guzida – Nusrat-name" on the possession of some descendants of Juchi Khan. *Turkological collection. 2009–2010: the Turkic peoples of Eurasia in antiquity and the middle ages*. Moscow, Eastern literature Publ., 2011, pp. 228–248 (In Russian)
31. Nedashkovskiy L.F. Historical features of the Golden Horde city. *Proceedings of the Society of Archeology, History and Ethnography at Kazan University*, 2018, № 38 (3–4), pp. 97–116. (In Russian)
32. Parunin A.V. The beginning of the foreign policy activity of the Ibak Khan Shibanid. *Medieval Turkic-Tatar states*, 2014, no. 6, pp. 91–100.
33. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 12. Chronicle collection, called Patriarchal or Nikon Chronicle. St. Petersburg, 1901. 266 p. (In Russian)
34. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 26. Vologda-Perm chronicle. Moscow-Leningrad: USSR Academy of Sciences Publ., 1959, 416 p. (In Russian)
35. Complete Collection of Russian Chronicles. Vol. 37. Ustyug and Vologda chronicles. Leningrad: Nauka, 1982, 228 p. (In Russian)
36. Complete collection of Russian Chronicles. Vol. 36. The Siberian Chronicles. Part 1. The group Esipov chronicle. Moscow: Nauka, 1987, 383 p. (In Russian)
37. Polo M. The book about the diversity of the world. *Travels to Eastern countries*. Moscow: Mysl', 1997, pp. 192–380. (In Russian)
38. Ambassadorial book on Russia's relations with the Nogai Horde. 1489–1508. Moscow: USSR Academy of Sciences Publ., 1984, 87 p. (In Russian)
39. Embassy of the book on the relations of Russia with the Nogai Horde, 1489–1549. Makhachkala, 1995. 356 p. (In Russian)
40. The continuation of the ancient Russian bibliophica. Vol. XI. Saint-Petersburg, 1801, 315 p. (In Russian)
41. Rafikova T.N. Results of the study of Tsarev settlement (2007–2009). *History, economy and culture of medieval Turkic-Tatar states of Western Siberia. Materials of the international conference*. Kurgan: Kurgan State University, 2011, pp. 11–15. (In Russian)
42. Semenova V.I. Archeology and cartography of the city of Tyumen (on the correlation of Russian and local traditions in the urban landscape). *Tomsk State Pedagogical University Bulletin. History*, 2013, no. 3 (23), pp. 48–51. (In Russian)
43. The Siberian Chronicles. The publication of the Imperial archaeological Commission. St. Peterburg, of I.N. Skorokhodov, 1907, 462 p. (In Russian)
44. Sobolev V.I. The history of Siberian khanates (on archaeological materials). Novosibirsk: Science, 2008. 356 p. (In Russian)
45. Tataurov S.F. Mythologems of the Siberian Khanate: the towns. *Siberian collection*. Kurgan: Kurgan State University Publ., 2015, Iss. 3, pp. 152–159. (In Russian)
46. Tataurov S.F. Turkic-Tatar cities of Western Siberia in the 14th–16th century in archaeological and historical research. *Dialogue of urban and steppe cultures in the Eurasian space. Historical geography of the Golden Horde. Materials of the Seventh International Conference dedicated to the memory of G.A.Fedorov-Davydov*. Kazan: Yalta, Kishinev, 2016, pp. 58–60. (In Russian)
47. Trepavlov V.V. Jochi ulus in the 15th–16th centuries: inertia of unity. *Golden Horde Civilization. Materials of the International Scientific Conference "Political and socio-economic history of the Golden Horde (13th–15th centuries)"*. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 11–15. (In Russian)
48. Trepavlov V.V. The founders Ashtarkhanids in Desht-i Kipchak (notes on the pre-history of the dynasty of Bukhara). *Turkological collection. 2007–2008: the History and culture of the Turkic peoples of Russia and adjacent countries*. Moscow: Vostochnay literatyra Publ., 2009, pp. 370–395. (In Russian)

49. Ustyug chronicle vault (Archangel City chronicle). Ed. by K.N.Serbina. Institute of History SSSR, 1950, 128 p. (In Russian)

50. Utemish-khadzhi. Kara tavarih. Transcription by I.M. Mirgaleev, E.G. Sayfetdinova, Z.T. Khafizova; translation into Russian by I.M. Mirgaleev, E.G. Saifetdinova; general and scientific editing by I.M. Mirgaleev. Series “Yazma Miras. Written heritage. Textual heritage”. Vol. 4. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2017, 312 p. (In Russian)

51. Hautala R. In the lands of "Northern Tartary": Information from Latin sources about the Golden Horde during the reign of Khan Uzbek (1313–1341). Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019, 976 p. (In Russian)

52. Choref M.M. On the question of the nature of the circulation of a copper coin in Western Siberia during the Horde period. *Ab origine. Archaeological and ethnographic collection*. Iss. 8. Tyumen: Tyumen State University, 2016, pp. 97–104 (In Russian)

53. Shamiloglu Yu. Tribal politics and social structure in the Golden Horde. Kazan: Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 260 p. (In Russian)

54. Shashkov A.T. The beginning of joining Siberia. *Problems in the history of Russia. Eurasian Borderland*. Ekaterinburg: Volot, 2001, Iss. 4, pp. 8–51. (In Russian)

55. Shil'tberger I. Journey through Europe, Asia and Africa from 1394 to 1427. Baku, Elm, 1984, pp. 35–36. (In Russian)

56. Yurchenko A.G. The city of Bashkort in the Catalan Atlas of 1375: facts and interpretations. Ancient and medieval Societies of Eurasia: the Crossroads of Cultures. *International Scientific Symposium dedicated to the memory of N.A. Mazhitov. Collection of materials*. Ufa: The World of Printing, 2018, pp. 242–261. (In Russian)

57. Ildan belen Goldan (dastan). *Miras*, 2002, no. 3, pp. 17–31. (In Tatar)

58. Manuscript copy of 1367 manuscript chart of the Mediterranean, with the Black and Caspian Seas, and the coasts of northwest Africa and western Europe. URL: <https://www.loc.gov/resource/g5672m.ct004121/?r=-0.034,-0.175,1.413,0.846,0> (access date 29.05.2023)

About the authors: Denis N. Maslyuzhenko – Cand. Sci. (History), Associate Professor, Director of the Institute of Humanities, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0001-8302-1277, ResearcherID: J-9551-2017. E-mail: denmas13@yandex.ru

Elena A. Ryabinina – Senior Lecturer of the Department of “History and Documentation”, Kurgan State University (63, building 4, Sovetskaya Str., Kurgan 640020, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3854-1817. E-mail: realdenim77@yandex.ru

Received June 7, 2023

Accepted for publication November 10, 2023

Published December 29, 2023